

ИНВАЗИВНАЯ ЭКОНОМИКА (РОССИЯ: ОТ ПОСТСОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ — К «КВАЗИПОСТСОВЕТСКОЙ»?)

О.Ю. МАМЕДОВ,

доктор экономических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ,
Южный федеральный университет,
e-mail: oktaj-mamedov@yandex.ru

Статья посвящена политико-экономической характеристике современной российской экономики.

Ключевые слова: современная экономическая теория; экономика переходного типа; инвазивная экономика.

The article focuses on the political and economic characteristics of the Russian economy.

Keywords: modern economic theory, economics of transition type, invasive economy.

Коды классификатора JEL: N14, O18.

Интеграция социального знания с естественно-биологическим из модной тенденции превратилась в обыденность. Что ж, при всей искусственности «интеграционной методологии» возможности ее эвристического потенциала в некоторых ситуациях (например, при анализе экономики переходного состояния), пожалуй, интересны. Нижеследующие заметки представляют попытку эскизной аналогии экономической природы постсоветского периода российского общества с явлениями в мире биологии.

НАУКА — ЭТО ТО, ЧТО НАЧИНАЕТСЯ И ЗАКАНЧИВАЕТСЯ МЕТОДОЛОГИЕЙ

Современная страница в истории экономической науки будет отмечена безудержным восхвалением прикладного знания и демонстративным пренебрежением знанием теоретическим. А методология, на фоне всеобщей жажды прагматических достижений, вообще кажется полным анахронизмом.

Но все это – забавы для той генерации ученых, которая убеждает окружающих в своей учености откровенной скупкой званий, регалий и должностей.

Те же, кто вслед за Марксом карабкается к вершинам абстрактного знания, навсегда испытывают благоговейный пиетет к методологии социального познания.

ПРАКТИКА ВЛЮБЛЕНА В КОНКРЕТИКУ, ТЕОРИЯ — В МЕТОДОЛОГИЮ!

Два предшествующих века были наполнены изнурительными теоретическими поисками, венцом которых стали величественные макроэкономические модели: Франсуа Кене, Адама Смита, Карла Маркса, Альфреда Маршалла, Джона Кейнса, Милтона Фридмана — гениальных зодчих гносеологической ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ВСЕЛЕННОЙ.

Увы, пришли иные времена, — на теоретиках лежит клеймо путаников и схоластов, тогда как все пространство экономической науки заполнено математиками, неубедительно выдающими себя за экономистов. Произошло это после того, как математика, исполнявшая у экономтеоретиков роль универсального вспомогательного инструмента, неожиданно превратилась в самостоятельное экономическое (?) знание. Ну, прямо «эффект Франкенштейна»...

Эконометрика победила Экономическую Теорию (это все равно, как если бы землемер вознесся выше геолога), а с ней отпала нужда и в Методологии...

Отныне хороший тон — не только поругивание экономтеоретиков, но и нарочитое демонстрация дремучего методологического невежества.

Впрочем, оставим прикладников с землемерами, — им есть что сказать друг другу.

МЕТОДОЛОГИЯ — ЭТО МОНИСТИЧЕСКОЕ (КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ) ВИДЕНИЕ ЭКОНОМИКИ

Заменить теоретический поиск методология, конечно, не может. Зато она способна дать исследователю «нить Ариадны» — понимание логики развития экономических событий.

Но такое понимание может вырасти только из признания фундаментального принципа социальной гносеологии — объективной природы экономических процессов.

Непризнание же объективной природы означает скоростистую кончину экономической науки, а с ней — и всего социального знания.

ДВА МИФА ОБ ЭКОНОМИКЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Вот почему для понимания исторических перспектив экономики постсоветского общества признание объективности логики его развития — главное условие его научно-теоретической характеристики. В противном случае сущностный анализ подменяется «анализом» выдуманных мифов.

Вызывающее невстраивание экономической истории российского общества в координаты общемировой логики становления цивилизованной экономики, упорное (и небескорыстное) противопоставление российской экономической системы экономической системе стран, на практике длительное время демонстрирующих успехи в эффективной организации общественного производства, привело к тому, что в современном экономическом сознании российского общества причудливым образом уживаются два — в равной мере не соответствующие никаким реалиям — мифа.

Миф первый — советская экономика была эффективна, а могучей ей не дали стать враги (внутренние и внешние). Хотя этот миф в силу ряда причин и овладел сознанием маргинальной части российского общества (и примкнувших к ней политиканов от «экономической науки»), он вряд ли заслуживает разоблачительных усилий со стороны профессиональных экономистов, — надоело!

Миф второй сводится к утверждению, будто рыночная экономика всегда и везде эффективна, поэтому ее приход «автоматически» решит все экономические проблемы постсоветского периода. Трудно сказать, какой дурак исповедует этот миф, но многие российские экономисты с подозрительным упоением (и словно по приказу) уличают неких «либералов» в подобной глупости.

ЭПОХА МЕЖДУМИФЬЯ

Появление и противоборство этих двух мифов объяснимо — страна никак не расстанется с Прошлым, а уже надвигается Будущее. Пространственно-временное переплетение Прошлого и Будущего — характерная черта не только экономики переходной эпохи, но неизбежное свойство общественного сознания в переходные времена, которое по-своему укрывается в мифоизвращенной рефлексии. Этим, кстати, обусловлено двойственное поведение управленцев всех рангов: в тех сферах, где мы соприкасаемся с будущим в лице мировой экономики, там они вынуждены быть «рыночниками», зато во внутренних сферах, все еще пребывающих в тенетах прошлого, — «ни шагу назад!»¹.

ИСКУССТВЕННАЯ ЗАГАДОЧНОСТЬ ПОСТСОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Экономика постсоветской России не может пожаловаться на недостаток внимания. Другое дело, что господство прикладного подхода может, конечно, дать многочисленные эконометрические замеры, но все они, пребывая вне монистического (концептуального) подхода, в состоянии только исполнить роль иллюстраций к еще не написанной книге.

¹ Особенно очевидна неэффективность псевдорыночных потуг в тех интеллектуальных сферах, которые по определению не совместимы с административной директивностью, — например, созданы гигантские учебные заведения, которые организационно построены по принципу суперцентрализма. В результате вся власть — у одного начальника, огромные коллективы погоняются сонмом малограмотных мелких администраторов, создавая видимость преобразований, тогда как в реальности интеллектуальный потенциал остается невостребованным. Ведь ученым, как и предпринимателям, как и вообще большинству людей, нужно только одно, — чтобы их оставили в покое!

Между тем теоретическое объяснение переходной сути постсоветской экономики содержится в пророческой статье К. Маркса «Критика Готской программы», в которой он дал чеканную формулировку:

«Мы имеем здесь дело не с таким... обществом, которое развилось на своей собственной основе, а, напротив, с таким, которое только что выходит как раз из (другого) общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло».

Умри, Денис, — лучше не скажешь!

Задача экономтеоретиков — «проинвентаризировать» эти «родимые пятна старого общества» и предложить программу по ускоренному «выведению» этих пятен.

ПОСТСОВЕТСКАЯ ЭКОНОМИКА МОЖЕТ БЫТЬ ТОЛЬКО «ИНВАЗИВНОЙ»?

Переходная экономика может стремиться к переменам, а может сопротивляться им. Драма нашего общества переходного периода в том-то и состоит, что хотя оно ушло от старого во имя перемен, но сами перемены настолько противны общественному сознанию, что время идет, усилия тратятся, но ничего не происходит.

В биологическом мире такая ситуация описывается категорией «инвазивность». В зоологии, ботанике, экологии и биогеографии инвазией (от лат. *invasio* — нашествие, нападение) называют вселение новых видов на территорию, где они ранее отсутствовали, которое происходит (в отличие от интродукции) без сознательного участия человека.

Именно такими «инвазивными» признаками и характеризуется постсоветская экономика, — необходимые перемены рассматриваются как вторжение чужеродных элементов в родную экономическую систему, в которой этим «чужакам» даже не за что зацепиться.

СТЕПЕНЬ ИНВАЗИВНОСТИ ЭКОНОМИКИ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ ЕЕ ИНЕРЦИОННОСТЬЮ

Конечно, инвазивная экономика — *нередкое явление* в мировой истории, когда происходит переход к альтернативному состоянию экономики. А что может быть альтернативнее «социализма» и «капитализма»?

Инвазивная экономика означает *доминирование признаков сопротивляемости* во всем — в политике, в общественном сознании, в идеологии. Это — объективная характеристика постсоветской экономики, и понимание неизбежности эффекта инвазии исключительно важно для практики.

Скажем прямо: инвазивная экономика — это *особый способ движения* общества к будущему, когда прежнее упорно сопротивляется этому движению, препятствует ему. Тогда-то любая перемена рассматривается как вторжение и встречает соответствующий отпор.

Но инвазивная экономика — это и *расплата за инерционность*, косность экономики, неспособность ее к самодинамике, стремление к традиционности, а значит, и консерватизму.

ИНВАЗИВНАЯ ИЗНАНКА МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ

Экономико-статистические показатели последних двух лет, а также действие антикризисных регуляторов банковского сектора способны умерить экономический спад и даже стимулировать склонность инвесторов к риску; по мнению аналитиков, в текущем году можно ожидать положительной динамики, при этом российский рынок акций выглядит особенно выгодно (при условии, что вернется часть иностранных инвесторов, которые оставили его в третьем квартале 2011 года) [1].

Однако все эти и другие подобные прогнозы строятся на простой экстраполяции слишком краткосрочных тенденций, тогда как инвазивная направленность российской макроэкономики носит долгосрочный характер, требуя для своего преодоления гораздо большего объема очистительной работы.

Пренебрежение теоретической оценкой реального состояния экономики переходного периода в той или иной стране способно дезориентировать и цели ее макроэкономической политики, и стратегию долгосрочных инвесторов.

ИНВАЗИВНОСТЬ — БОЛЕЗНЬ ВНУТРИЭКОНОМИЧЕСКАЯ!

Инвазивность — следствие, а не первопричина: она означает сверхплотность экономической среды, порождающую сверхсопротивление нововведениям.

Эту сверхплотность образуют следующие элементы современной российской экономики: высокая эффективность производства, доминирование экспорта сырьевых товаров и сырья, влияние неконтролируемых страной факторов, слишком большие риски для инвесторов (коррупция государственных чиновников и вмешательство организованной преступности), непрочность институциональных и правовых основ рыночной экономики, непредсказуемость налоговой политики, эмиссионное финансирование дефицита бюджета, размах теневой экономики, неравные условия конкуренции, «беззащитность» защиты прав собственности, усиление административных барьеров для предпринимательства, ухудшение в стране инвестиционного климата [2].

Специфика, претендующая на роль общей закономерности, не в состоянии объяснить хоть что-нибудь.

Инвазивность — это способ насильственного отрезвления общества, уверовавшего в то, что его специфика и есть общая закономерность.

Успеем ли, удастся ли нам отрезветь?

ЛИТЕРАТУРА

1. М & тенденции 2012. The Moscow Times. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.themoscowtimes.com/conferences/eng/event/450556.html>).
2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nationsencyclopedia.com/economies/Europe/Russia-FUTURE-TRENDS.html&usg>.